

В литературоведческой жизни России произошло, без сомнения, крупное событие: институт мировой литературы Российской академии наук выпустил двухтомник писем И.А. Бунина дореволюционной поры. Из 1817 писем более двухсот предоставил Орловский музей Бунина.

Около ста писем, хранящихся в Орле, вошли в том «Письма 1885—1904 годов», в том числе и самое первое известное учёным письмо брату Юлию от 21 мая 1885 года из Ельца: «Милый и

дорогой Юлинька! ... У меня нынче был экзамен из французского яз.; надеюсь, что выдержал...».

Этот том писем вышел ещё в 2003 году, а совсем недавно, на исходе 2007 года, появился и второй том «Письма 1905—1919 годов». Вместе оба эти издания (1161 письмо опубликовано впервые) дают бесценный биографический материал в контексте культурной жизни конца девятнадцатого-начала двадцатого веков.

спудном разрыве с Горьким, которого до того весьма почитал (во втором томе помещено 61 письмо к Горькому):

«...После выставки поехал к Горькому... Катя (Е. П. Пешкова — из комментариев) губаста, наряжена б(...) и артистически — модерн. Вечером — банкет в честь финнов у Додона, человек 200. Сидел на конце стола... Финны страшно напильсь... Галлен, во фраке, пьян был культурно. Человек сильный, слегка пещерный. Целовался бешено с Горьким. Маяковский, как я убедился из нескольких его слов, глуп и невежа, но держит себя нагло, как первое лицо в зале...» (В.Н. Муромцевой, 5 апреля 1917 года, Петроград).

Вере Николаевне адресовано всего пять писем, поскольку с 1906 года и до самой смерти в 1953 году Бунин с ней практически не расставался.

С братом Юлием (умер в 1921 году), лучшим и самым кровным своим другом, Иван Алексеевич, наоборот, встречался не так часто, поэтому в двухтомнике помещено более трех с половиной сотен порой очень пространных и неизменно откровеннейших писем к Юлию Алексеевичу.

Вторым ближайшим другом был известный впоследствии литератор Пётр Нилус, ему Бунин писал сто пятнадцать раз:

«Милый Петруша... прости и за то, что немного почеркал рассказ, выкинул два-три выражения (напр., сравнение лица Наташи с персиком — достойное волостного писаря)...» (24 июля 1909. Готово).

Всего же в двухтомнике около двухсот имён адресатов, не считая различных издательств и редакций.

«Первый писатель на Руси», по восторженному выражению Горького, Бунин никак, к огорчению всё того же Алексея Максимовича, не хотел влезать в политику, писать о ней, склоняться к тому или иному «общественному движению». Однако остро переживал происходящее и остро чувствовал приближающуюся трагедию России.

И вот она пришла:

«Жить в деревне и теперь уже противно. Мужики вполне дети и премерзкие. «Анархия» у нас в уезде полная, своеволие, бестолочь и чисто идиотское непонимание не то что «лозунгов», но и простых человеческих слов — изумительные. Ох, вспомнит ещё наша интеллигенция — это подлое племя, совершенно потерявшее чутьё живой жизни и изолгавшееся насчёт совершенно неведомого ему народа — вспомнит мою «Деревню» и пр.!

Кроме того, и небезопасно жить теперь здесь. В ночь на 24-е у нас сожгли гумно, две риги, молотилки, веялки и т. д...» (П.А. Нилусу, 27 мая 1917. Готово).

И последнее письмо, написанное 12 октября (29 сентября) — порядок датировки проставлен Буниным, упорно отдававшим предпочтение старому стилю — 1919 года из Одессы доктору Н.С. Назарову: «...С приходом добровольцев (войск Деникина — из комментариев) всё жду Вашего возвращения...».

Но «окаянные дни» не кончились, и 24 января (6 февраля) Бунин и Муромцева навсегда покинули Родину.

Письма эмиграции вряд ли скоро будут собраны воедино — они разбросаны по музеям и хранилищам всего мира.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

ПИСЬМА БУНИНА

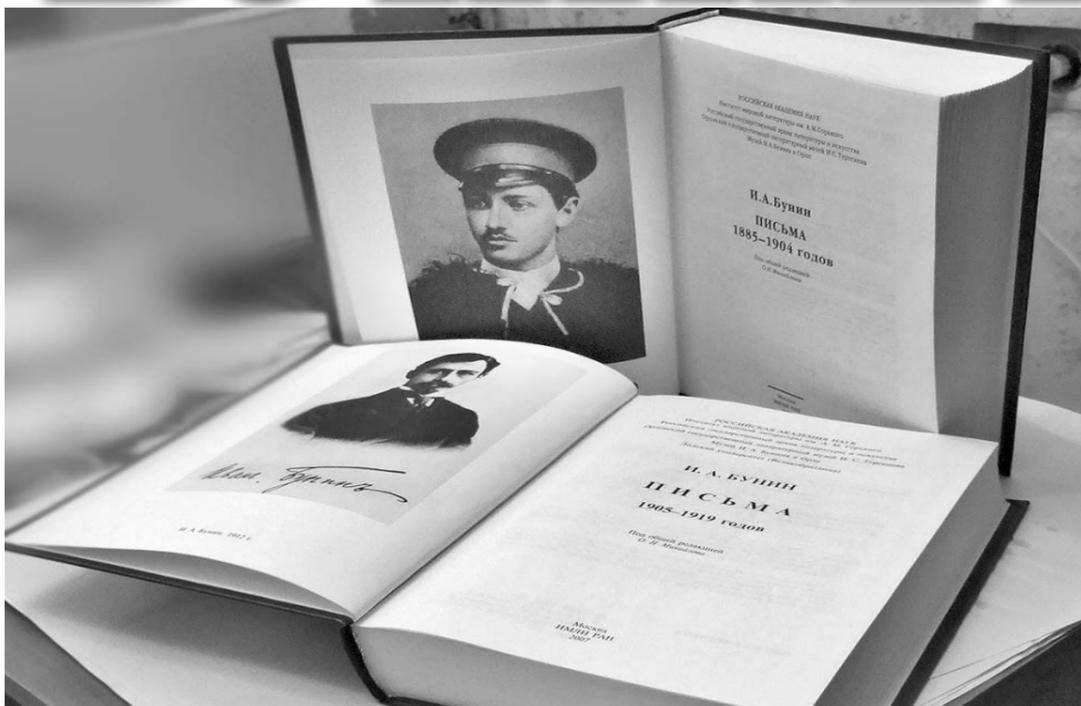

Фото Андрея Сасина.

Общую редакцию двухтомника осуществил О.Н. Михайлов, ведущий российский буниновед. Подготовку текстов писем и комментарии сделали С.Н. Морозов, Л.Г. Голубева (ИМЛИ РАН), Р.Д. Дэвис (Лидский университет, Великобритания), И.А. Костомарова (Орловский музей Бунина).

Как и во всяком академическом издании, комментарии составляют едва ли не половину объёма обоих восьмисотстраничных томов. В них сведения об адресатах, пояснения, фрагменты ответных посланий, указания, где сейчас хранятся публикуемые письма.

Перед читателем раскрывается жизнь деревни и провинциальных городов, а также двух российских столиц и картины зарубежных путешествий писателя. Мест, откуда были посланы письма, десятки, поскольку Бунин был вечным скитальцем.

Его эпистолярное наследие содержит события личной жизни, истории создания произведений, литературные связи. Много великодушных в художественном смысле моментальных бытовых зарисовок.

От редакции сказано: «В мае 1942 года писатель настоятельно требовал: «...Все мои письма (ко всем, кому я писал во всю мою жизнь) не печатать, не издавать. С просьбой об этом обращаюсь и к моим адресатам, то есть к владельцам этих писем. Я писал письма почти всегда дурно, небрежно, наспех...». В 1951 году Бунин вновь говорил о своей переписке, но уже не в столь категорической форме: «...Я писал их всегда как попало... да и просто неинтересно: из них можно взять только кое-какие отрывки, выдержки — чаще всего как биографический материал (если бы нашёлся умный и тонкий человек, который мог бы выбрать эти отрывки!)».

Однако после смерти Бунина его письма периодически публиковались за рубежом, нередко с купюрами, искажавшими биографический контекст. Также письма Бунина появляются и в мемуарной литературе, тоже зачастую произвольно-отрывочно.

Так что к нынешнему моменту просто назрела необходимость издать эпистолярное наследие нобелевского лауреата полностью. В сегодняшний двухтомник включены все известные письма и телеграммы; они напечатаны полностью, без купюр.

«За исключением слов, неудобных для печати», — честно оговаривает редакция. Эти слова угадываются по первой букве и тоже несут большую информацию, в чём мы убедимся ниже на одном из примеров.

Бунин, как известно, был человеком тончайшей духовной и нервной организации. Он мог быть и невероятно

ранимым, хрупким, и предельно желчным. Мучительнейшие, горячечные письменные объяснения в Орле с Варей Пашенко соседствуют с точными житейскими картинками, уже предвещающими гения:

«Был вчера в летнем саду «Эрмитаж» и в его летнем театре... Пел какой-то Львов — молодой человек, худой, немного с кривыми ногами, с всклокоченной головой. При сильных нотах по-идиотски (без резкости) вытягивает физиономию, наклоняется всем корпусом вперёд и с ужасными глазами орёт на весь театр...» (Ю.А. Бунину, 22 июля 1890. Орёл).

За год до того первое посещение Крыма — и вообще полный шедевр:

«Ямщик оказался славный малый, солдат, настоящий тип... Сквернословит не переставая...

— Проклятые места!..

На дороге он на гривенник хватил спирту и осовел. Лицо запотело, картуз на затылке, смотрит вдаль глупыми глазами... — Ишь зелена-то! — забормотал он шёпотом. — И у нас теперь

зеленя! Птички эти, бывалыча, выдешь; глядь — журавчик — ти, ти, ти... бегить, бегить; хвостик задралши...» (Буниным, 15 апреля 1889. Севастополь).

Несмотря на всяческие деловые, краткие, официальные, денежно-издательские послания, двухтомник читается как захватываю-

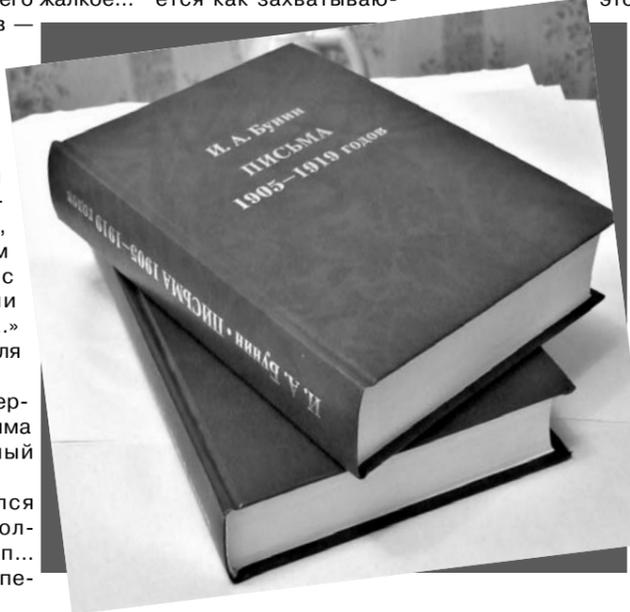
ментариях письмо Анны Цакни; лучшего письма любящей женщины лично мне читать ещё не доводилось ни в каких документальных сборниках и мемуарах. Но и тут приходится ограничиться лишь отрывком:

«Ты желаешь мне всех радостей! Самая большая радость, это чтобы ты был счастлив, чтобы тебе было хорошо со мной и чтобы ты всегда хотел быть со мной и никогда бы меня не разлюбил!..» (в ответ на письмо от 31 декабря 1898 г.).

Это чистое послание женщины, подарившей Бунину единственного ребёнка, к сожалению, умершего в пятилетнем возрасте, — тоже из наших орловских фондов.

Загадочен разрыв Бунина со своей первой венчанной женой; но, конечно, самым преданным спутником писателя на всю жизнь стала Вера Муромцева; с нею он всегда говорил открыто, доверительно, зная, что будет понят до последнего слова.

Вот как писатель рассказывает ей о финской выставке и о под-

трясло помещённое в ком-